

В.В. Поддубиков

Коренное население Алтае-Саянского экорегиона: традиционные экологические знания как ресурс устойчивого развития

Ключевые слова: коренные народы Алтая и Саян; традиционные знания; устойчивое развитие и культуры жизнеобеспечения; традиционное природопользование.

Key words: the indigenous peoples of Altai and Sayan mountains; traditional knowledge; a sustainable development and cultures of subsistence; traditional wildlife usage.

В современной природоохранной практике значительное внимание уделяется поиску оптимальных форм взаимодействия особо охраняемых природных территорий (ООПТ) с сообществами местного населения. Во всем мире предпринимаются попытки прямого вовлечения широкой общественности в деятельность заповедников, природных и национальных парков на основе долгосрочного сотрудничества. В этом видится залог высокой результативности проводимых природоохранных инициатив. Логика такого подхода вполне очевидна. Как правило, именно местные жители представляют собой источник явных угроз сохранению биоразнообразия, поскольку часто оказываются заинтересованными в хозяйственном использовании охраняемых видов ресурсов и биологического сырья. В условиях ограниченности устойчивых источников средств к существованию, доступных населению, растет его готовность к нарушению установленного природоохранного режима, незаконной практике природопользования и конфликтам в отношениях с персоналом ООПТ. Единственный способ решить названные проблемы – это привлечь население к управлению охраняемыми природными территориями, т.е. превратить его, хотя бы частично, в активный субъект природоохранной политики.

Задача вовлечения населения в деятельность по сохранению биоразнообразия особенно актуальна для ООПТ, расположенных на территориях исконного проживания коренных народов, каковой, к примеру, является Алтае-Саянская горная страна. Это объясняется рядом причин. Во-первых, сельские сообщества коренного населения в экономическом отношении много больше зависят от сложившейся у них практики использования природных ресурсов, чем остальные социальные группы. В этой связи устанавливаемые ООПТ ограничения вступают в противоречие с жизненными потребностями общин коренных народов, дестабилизируют их социально-экономическое положение и способствуют росту этносоциальной напряженности. Привлечение коренного населения к участию в природоохранных программах и управ-

лению охраняемыми видами биологических ресурсов способно снять эти проблемы, поскольку в данном случае ресурсные потребности традиционного хозяйства будут приниматься во внимание. Кроме того, важно, что посредством совместных действий ООПТ и коренного населения возможно сбалансированно подойти к решению таких, казалось бы, взаимоисключающих задач, как охрана природных комплексов и объектов, с одной стороны, а с другой – обеспечение устойчивого жизнеобеспечения местных сообществ коренных народов. Совершенно очевидно, что это две взаимосвязанные стороны одной комплексной проблемы.

Во-вторых, именно на традиционно-хозяйственной основе у коренных народов исторически сложились неповторимые этнические культуры и сформировался характерный образ жизни. Они составляют важную часть культурного наследия и нуждаются в сохранении не в меньшей степени, чем охраняемые природные ландшафты. Эта мысль нашла свое отражение в национальном законодательстве ряда стран. В их число входит и Российская Федерация, где, в частности, действует Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», нормы которого предусматривают право коренного населения на сохранение «...исконной среды обитания, традиционного хозяйства и образа жизни» [1].

Кроме того, в настоящее время действует ряд международных программ по поддержке традиционных культур коренных народов, некоторые их элементы включены в перечень объектов всемирного наследия UNESCO. Действуют также проекты срочного культурного сохранения, охватывающие многие коренные народы, в том числе и народы Алтая и Саян. Однако и эта проблематика часто напрямую связана с природоохранной деятельностью, поскольку в основе своей этнические культуры коренного населения неотделимы от естественно-географических и природных условий, в рамках которых они сформировались и прошли многовековую путь развития.

Наиболее ярким свидетельством в пользу сказанного, вероятно, является современная ситуация с культовыми местами и почитаемыми природными объектами коренного населения, часть которых с образованием ООПТ попала в пределы охраняемых территорий. На территории Алтае-Саянского экорегиона такие примеры имеются. Здесь в результате недостаточно продуманной территориальной организации некото-

рых ООПТ федерального значения зоны размещения священных мест коренных народов оказались недоступны для населения, поскольку объявлены особо охраняемыми. Это препятствует проведению традиционных обрядов, ритуалов и праздников, которые и без того в настоящее время стремительно исчезают и забываются. Кроме того, известно несколько случаев, когда на основе подобных территориальных споров возникали конфликтные ситуации в отношениях персонала ООПТ и местных жителей. Главная причина сложившейся ситуации очевидна: при составлении территориальных планов не учитывались особенности традиционной культуры коренного населения. Стало быть, его привлечение к управлению ООПТ может способствовать урегулированию уже возникших конфликтов и предотвратить их появление в будущем.

И, наконец, в-третьих, этнические культуры коренных народов содержат определенный набор традиционных экологических знаний (ТЭЗ), которые накапливались на протяжении многовековой истории адаптации человека к различным природно-территориальным комплексам, по мере развития разнообразных форм природопользования и соответствующих им традиций в области материальной, духовной и соционормативной культуры. По сути, традиционные знания представляют собой ту базу, на которой основан характерный для коренного населения образ жизни во многих смыслах этого понятия. Они нередко влияют даже на особенности этнической самоидентификации отдельных национальных групп. К примеру, автору этих строк неоднократно приходилось слышать от представителей коренных южносибирских народов реплики типа: «Какой же ты шорец, если в лес дорогу забыл?!» или «Кем же мы будем лет через пятьдесят, если забудем, как нужно на соболя охотиться? Наверное, русскими...».

Однако роль ТЭЗ не ограничивается лишь вопросами сохранения этнической культуры. Они находят широкое применение и в области природоохранной деятельности. В настоящее время разработан ряд международных документов, устанавливающих принципы, порядок и возможные формы использования и сохранения традиционных знаний коренного населения.

В частности, за включение ТЭЗ в процессы управления ресурсами и регуляции популяций диких животных давно выступает Инуитская Циркумполярная Конференция, в составе которой постоянно действует российская делегация. В 1993 г. вступила в силу Конвенция о биологическом разнообразии, ратифицированная Российской Федерацией в 1995 г. В статье 8(j) документа сказано, что государства-участники берут на себя обязательства обеспечивать «...уважение, сохранение и поддержание знаний... коренных и местных общин, отражающих традиционный образ жизни, которые имеют значение для сохранения и устойчи-

вого использования биологического разнообразия...» [2]. Декларация Организации Объединенных Наций «О правах коренных народов», принятая в 2007 г. [3], в статье 29 устанавливает требования к обеспечению коренным народам прав интеллектуальной собственности на их традиционные знания в области биологического разнообразия.

Попытки практического внедрения традиционных знаний коренных народов осуществляются в настоящее время в рамках глобально значимых программ, направленных на решение экологических проблем. Среди них наиболее крупной является Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), которая охватывает все известные регионы с высоким уровнем биологического разнообразия. На территории Российской Федерации при поддержке ПРООН реализуется несколько проектов, один из которых действует на территории Алтае-Саянской горной страны. Опыт, накопленный Программой в области изучения и использования традиционных знаний коренного населения о биоразнообразии, суммирован в ряде информационно-методических изданий, вышедших на Камчатке [4] и в Сибири [5].

Подробный анализ текстов упомянутых документов, который мы здесь не приводим, позволяет выделить основные области практического применения ТЭЗ коренных народов. По сути, они понимаются как основа для взаимовыгодного сотрудничества ООПТ и сообществ местного населения, поскольку чаще всего используются для «социально корректного» планирования природоохранной деятельности. Данные о размещении используемых аборигенами территорий и сложившихся поземельных отношениях учитываются при определении схем функционального зонирования ООПТ с тем, чтобы не нанести ущерба местной традиционной экономике. Знания населения об особенностях местных популяций животных и растительных сообществ, а также этнические традиции, регулирующие сроки и объемы изъятия биоресурсов, нередко непосредственно влияют на устанавливаемые правила охоты, рыболовства, собирательства, а также пребывания на охраняемых территориях. При этом коренное население непосредственно участвует в составлении планов по использованию биологического сырья и контроле за его изъятием. Обозначения природных объектов на национальных языках признаются официальными и используются, например, на картах соответствующей местности. Народные приметы, связанные с локальными природными комплексами, поверья, обычаи и прочий фольклорный материал ложатся в основу программ экологического просвещения и образования.

Это неполный перечень областей практического применения традиционных экологических знаний коренных народов, апробированных в международной природоохранной практике. Он постоянно увеличи-

вается по мере того, как накапливается практический опыт и расширяется сеть охраняемых природных территорий, основанных на принципах активного взаимодействия с местным населением. Однако представляется важным отметить, что, независимо от выбранной области практического применения ТЭЗ, они почти всегда признаются реальным ресурсом устойчивого развития охраняемых природных территорий, поскольку считаются прямым отражением экологической сбалансированности традиционного хозяйства и наличия у коренного населения ресурсосберегающих технологий природопользования, основанных на глубоком знании природы. Нам думается, такой подход применим не везде и далеко не во всех известных случаях. В нашем распоряжении имеются первичные полевые данные по традиционным формам охоты, собирательства и рыболовства коренных народов Алтае-Саянского экорегиона. Они заставляют несколько иначе взглянуть на современное состояние комплексов ТЭЗ и степень их влияния на реальный уровень экологической культуры коренного населения.

Первое, что необходимо констатировать, – это стохастический характер самого процесса природопользования, свойственный сообществам коренного населения Алтая и Саян. Особенно отчетливо он заметен на примере промысловой охоты пушного направления и, по-видимому, зависит от экономических факторов. Так, у шорцев и северных групп алтайцев, в традиционном хозяйстве которых охота всегда играла важную роль, сегодня отмечается тенденция к изменению видового состава добываемых животных в зависимости от колебаний спроса на пушнину на региональных рынках. Наиболее ценные с коммерческой точки зрения виды, как правило, опромышляются до тех пор, пока популяции их не оказываются в значительной мере подорванными. Вслед за этим происходит переориентация охотников на заготовки иных видов продукции.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, достаточно привести официальные данные по промысловым заготовкам пушнины на территории Горной Шории [6, с. 58]. Здесь к 1982 г. в результате систематического перепромысла резко упала численность местной популяции соболя. Поэтому в 1983 г. он практически не попал в заготовки. Вместо этого штатные охотники Таштагольского коопромхоза делали план за счет массовой добычи белки, колонка и хорька, которым ранее уделялось значительно меньше внимания по причине низкой стоимости шкурки. К 1986 г. и эти виды оказались на критически низком уровне популяционной численности. Это привело к неслыханной по объему добыче такого не характерного для шорцев объекта охоты, как крот. В 1987 г. коопромхоз заготовил или закупил у местного населения в общей сложности более 1 миллиона шкурок. В дальнейшем,

с постепенным восстановлением традиционных промысловых видов, охота на них возобновилась. Однако принцип развития традиционного охотничьего хозяйства шорцев остается в общем неизменным: бесконтрольный промысел и снижение численности одних видов приводит к переориентации коренного населения на освоение других доступных ресурсов. На сегодняшний день это особенно актуально, поскольку товарная значимость пушнины исключительно высока, а иных источников дохода у населения практически нет. В этой ситуации никакие этнические традиции, связанные с обычно-правовой регуляцией объемов добычи, не срабатывают.

По этой же причине коренным населением часто не выдерживаются и оптимальные промысловые сезоны. Согласно имеющимся у нас данным, четкие границы периодов добычи отдельных пушных видов отсутствуют. Зачастую промысел ведется на протяжении всего года, не взирая на серьезный ущерб, наносимый популяциям охотничьих животных от охоты в период размножения. Зачастую даже низкий уровень качества пушнины, заготавливаемой в это время, не останавливает некоторых охотников. Материально необеспеченная часть коренного населения стремится не упустить ни малейшей возможности заработать за счет привычной практики опромышления тайги. Проблемы поддержания ресурсового потенциала осваиваемых угодий при этом принимаются во внимание лишь в самую последнюю очередь.

Стремление коренного населения к сбережению осваиваемых биологических ресурсов не прослеживается и при анализе распространенных технологий и методов природопользования. Они часто не соответствуют принципам рационального хозяйствования. К примеру, при прокладке трапперских маршрутов охотниками далеко не всегда реально оценивается возможность систематической проверки расставленных самоловов. В результате они нередко остаются без присмотра на протяжении весьма продолжительного времени – до 2–3-х недель. Этого более чем достаточно для того, чтобы попавшие в ловушки животные, оставшиеся в живых, успели освободиться, лишившись застрявшей в капкане конечности. Ясно, что такие «подранки» впоследствии имеют исключительно низкие шансы на выживание и чаще всего обречены на смерть. Именно подобного рода причинами объясняется фиксируемый охотоведами высокий удельный вес раненных особей в популяциях соболя, колонка, горностая и особенно медведя. В последнем случае животное в результате пережитой травмы ограниченное в возможности обеспечить себя необходимыми кормами, становится агрессивным и представляет собой вполне реальную угрозу при встрече с человеком. Все это, несомненно, ведет к нежелательным экологическим последствиям в целом и заметному сокращению численности охотничьих жи-

вотных – в частности. Виной тому не всегда высокий уровень производственной дисциплины охотников. По мнению экспертов из числа сотрудников егерских служб региональных ООПТ, случаи заброса капканов и самоловов стоит напрямую увязывать с таким негативным социальным явлением, как алкоголизм, широко в настоящее время распространенным в среде коренного населения. Зачастую причиной продолжительного отсутствия охотников на месте промысла становятся запои.

Такая традиционная для алтайцев и шорцев методика добычи соболя, как ловля зверька обметом (сетью) на курумниках также весьма губительно сказывается на популяциях вида [6, с. 63]. В данном случае охота принимает коллективный, облавный характер. При этом сети расставляются непосредственно у каждой обнаруженной норы, так что все находящиеся там животные обязательно в них попадают. Очень часто таким образом отлавливается молодняк, что значительно затрудняет внутривидовые процессы естественного воспроизводства. Результат – практически повсеместно отмечаемые тенденции сокращения численности соболя.

Систематически осваиваемые коренным населением кедровники не в меньшей степени ощущают на себе усиленный антропогенный прессинг. Никаких мер по уходу за ними местные промысловики обычно не предпринимают. Напротив, в течение самого процесса заготовки кедрового ореха промысловые участки подвергаются неблагоприятному воздействию. При распространенной здесь практике «лазового» опромышления нижние сучья обламываются, в результате чего поврежденные деревья в дальнейшем уже не используются. В ходе работ по первичной обработке, просушке и транспортировке добытого ореха серьезно страдает лесная подстилка. Усиленно, в частности, вытаптывается и ломается молодняк, что затрудняет лесовосстановительные процессы и обязательно скажется в отдаленном будущем на сужении зоны лесонасаждений с участием в древостое кедра сибирского.

Рыболовные ресурсы водоемов также близки к истощению в результате их усиленной эксплуатации местными сообществами коренного населения. Многие из традиционно употребляемых техник лова нацелены исключительно на максимальную эффективность рыболовного промысла и нисколько не учитывают необходимость рационального использования ресурсов. Примеров здесь можно привести достаточно много: от повсеместного использования многорядных сетей с мелкой ячеей – до ловли рыбы при помощи различных самоловов типа «ашпара». Последнее приспособление представляет собой большой деревянный короб, длиной порядка 3-х и шириной в 1–1,5 метра. Осенью, когда рыба из притоков скатывается на зимовку в низовья крупных рек, их притоки – мелкие ручьи – перегораживаются плетеными или сложенными

ми из камня плотинами, которые, забиваясь осенними листьями поднимают воду. В плотинах для слива воды проделываются отверстия, напротив которых и устанавливается ловушка. Таким способом из рек вылавливается практически вся рыба.

Что касается промысловых заготовок ягод, то и здесь употребляются далеко не безвредные приемы. Широкое хождение при сборе, например черники и клюквы, имеют скребки и комбайны самых различных конструкций. В ходе обработки ягодных полей они достаточно эффективны и способствуют ощутимому ускорению процесса сбора ягод. В то же время зубья скребков наносят существенные повреждения самим растениям, обрывая с них листья, а нередко и ломая стебли. Это обстоятельство выглядит крайне тревожно, если учесть, что на формирование одного куста, к примеру черники, уходит не один десяток лет.

Думается, что приведенных выше примеров достаточно для иллюстрации далеко не экофильных проявлений традиционной хозяйственной практики коренного населения Алтае-Саянского экорегиона, хотя этот перечень можно продолжать. Очевидно, что в условиях высокой экономической значимости традиционных форм природопользования в них не остается места для ресурсосберегающих технологий изъятия биологических ресурсов, что само по себе не позволяет говорить о возможности устойчивого развития.

В этой связи интерес вызывают другие вопросы. Как на фоне сказанного выше выглядят комплексы традиционных экологических знаний? Возможно ли их использование в области управления охраняемыми природными территориями? Попробуем ответить на них на основе имеющихся данных.

В рамках проекта «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона», осуществляемого при поддержке Программы развития Организации Объединенных Наций и Глобального экологического фонда в 2007–2008 гг. решалась задача выявления и документирования традиционных экологических знаний коренного населения. С этой целью был проведен опрос среди лиц, занимающихся традиционной хозяйственной деятельностью. В частности, на территории Горной Шории было опрошено 50 человек, включая авторитетных охотников-промысловиков. Респондентам были заданы вопросы относительно зоологии и экологии промысловых животных; наличия или отсутствия в национальном языке специальных терминов для обозначения особей, различных по полу и возрасту; количества знакомых им растений, распространенных в местах проживания и хозяйственной деятельности коренного населения; народных примет и обычаев, связанных со знанием природных особенностей края.

Полученные результаты однозначно свидетельствуют, что круг реально используемых коренным

населением экологических знаний относительно узок. Даже самые активные промысловики, занимающиеся традиционным природопользованием без преувеличения профессионально, обладают лишь тем минимальным набором знаний, который непосредственно необходим для эффективного хозяйствования. Так, большинство опрошенных различают следы охотничьих животных, знакомы с особенностями их поведения, знают, как правильно выбрать место для установки самолова или ловли рыбы. Однако им практически ничего не известно, к примеру, о неиспользуемых видах птиц и растений. В национальном языке почти полностью отсутствует специальная экологическая терминология, за исключением некоторых терминов, непосредственно связанных с традиционной хозяйственной практикой.

Все приведенные нами факты позволяют заключить, что технологии природопользования, применяемые коренным населением Алтае-Саянского экорегиона, в настоящее время приспособлены к решению задач экономического характера. Из состояния этнической традиции они постепенно превращаются в область профессиональной деятельности. Это, в свою очередь, приводит к изменениям в комплексе используемых экологических знаний. Они сегодня включают лишь те необходимые сведения, которые непосредственно связаны с хозяйственной деятельностью, причем в основном в той части, которая сориентирована на товарный выход продукции. Вопросы сохранения используемых биоресурсов на длительную перспективу в этих условиях отходят на второй план, уступая место технологиям и знаниям, направленным на получение

быстрого экономического эффекта от традиционной хозяйственной деятельности.

По сути, сегодня правомерно говорить не об экологических знаниях коренного населения, а лишь о его знаниях в области природопользования. Возможности их практического применения, очевидно, не столь широки, как предполагают международные природоохранные программы. К примеру, объемы добычи, допустимые на взгляд коренного населения, неприемлемы с точки зрения сохранения биоразнообразия и не могут быть положены в основу планов управления биологическими ресурсами ООПТ. Истощительные технологии и методы природопользования хотя и давно применяются аборигенами, однако не могут быть разрешены на охраняемых природных территориях.

Фактически речь может идти лишь о применении традиционных знаний для решения следующих управленческих задач, комплексное решение которых способствует устойчивому развитию локальных групп коренного населения:

1) территориальная организация ООПТ с учетом потребностей местных жителей в хозяйственном использовании биологических ресурсов;

2) регуляция традиционного природопользования в контексте сохранения биоразнообразия;

3) организация и развитие альтернативных форм занятости коренного населения, близких к этническим традициям хозяйствования, с целью снижения антропогенной нагрузки на широко используемые виды биоресурсов.

Данный подход сейчас апробируется на территории Алтае-Саянского экорегиона и уже показал свою эффективность.

Библиографический список

1. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон № 82-ФЗ от 30.04.1999 г. Принят Госдумой 16.04.1999 г. Одобрен Советом Федерации. 22.04.1999 г.

2. Конвенция о биологическом разнообразии. – Рио-де-Жанейро, 1992.

3. О правах коренных народов : Декларация ООН. 13.09.2007 г.

4. Шарахматова, В.Н. Методические рекомендации по

работе с традиционными экологическими знаниями / В.Н. Шарахматова. – Петропавловск-Камчатский, 2008.

5. Назаров, И.И. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования : информационно-методический справочник / И.И. Назаров, Е.А. Бельгибаев, А.Н. Садовой, В.В. Поддубиков, К.Ю. Кирюшин и др. – Барнаул, 2009.

6. Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / Л.И. Гвоздкова, А.Н. Садовой, С.С. Онищенко, В.В. Поддубиков и др. – Кемерово, 2003.